

*Е. В. СМАХТИН,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Института государства и права
Тюменского госуниверситета,
кандидат юридических наук*

О «НЕТРАДИЦИОННЫХ» ПРИЕМАХ В РАССЛЕДОВАНИИ

Рождение криминалистики связывают с именем Ганса Гросса. В 1898 г. этот известный австрийский ученый писал, что криминалистика, по природе своей, начинается лишь там, где уголовное право, также по своей природе, прекращает свою работу: материальное уголовное право имеет своим предметом изучение преступного деяния и наказания, формальное уголовное право (процесс) включает в себе правила применения материального уголовного права. Но каким именно способом совершаются преступления? Как исследовать эти способы и раскрывать их — обо всем этом нам не говорят ни уголовное право, ни процесс. Это составляет предмет криминалистики¹.

В настоящее время, по мнению автора, доминирующей является точка зрения о том, что предметом криминалистики являются закономерности преступной деятельности и деятельности властных участников уголовного процесса по раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел.

Познавая эти закономерности, проводя серьезные эмпирические обобщения и теоретические исследования, многие криминалисты предлагают к применению различные приемы, средства и методики, которые позволяют повысить эффективность правоприменительной деятельности. Наиболее интересные исследования, как правило, находятся «на стыке» с другими науками, зачастую вторгаются в их предмет.

Для того, чтобы осмыслить важность подобных, в т. ч. «нетрадиционных», исследований, их влияние на формирование научных взглядов о предмете криминалистики, обратимся к монографии известного криминалиста А. М. Ларина², которая изрядно на шумела в научных кругах. Критикуя отдельные высказывания и утверждения ученых-криминалистов, известный ученый писал, что паракриминалистика (от древнегреческого «para» — «около», «при») выявляет преступников по их анатомическим или генетическим признакам; раскрывает преступления путем непосредственного применения законов и категорий философии; восстанавливает внешность убитого по его черепу; на основе сведений о месте преступления и потерпевшем определять пол, возраст, адрес, семейное положение убийцы; устанавливать преступника по запаху; выявлять тайные мысли допрашиваемого с применением гипноза и специальной аппаратуры³.

Прошло чуть более 10 лет. За этот период стало реальностью производство экспертизы геномной ДНК, фотопортретной экспертизы по останкам черепа, сложнейших графологических, фоноскопических, одорологических и других экспертных исследований. Определенные успехи в борьбе с преступностью достигнуты в России с внедрением в практику расследования психофизиологических исследований на так называемом «детекторе лжи»⁴. Фактически то, что А. М. Ларин считал псевдонаучными взглядами, через несколько лет стало научной реальностью. На наш взгляд, именно благодаря новейшим разработкам в криминалистике, дискуссии относительно ее предмета остаются актуальными; учеными по-прежнему уточняются, углубляются уже имеющиеся научные представления о предмете криминалистики.

Имеется ли взаимосвязь между отмеченной особенностью развития криминалистики и деятельностью правоохранительных органов. Обобщение следственной практики свидетельствует о том, что при расследовании практически любого уголовного дела используются криминалистические знания: применяются простейшие технико-криминалистические средства и тактические приемы; используются методические рекомендации той или иной степени общности.

Однако наиболее ярко, на наш взгляд, потребность в подобных знаниях проявляется, когда не срабатывают уже известные практике приемы, т. е. шаблонные навыки и умения, а если точнее, выра-

ботанный десятилетиями динамический стереотип в работе следователей многих поколений постсоветского пространства.

Если обратиться к статистике МВД Российской Федерации за 2005 г., то картина получается довольно мрачная. Из зарегистрированных в прошлом году 3 554 738 преступлений — 1 076 988 относится к категории тяжких и особо тяжких. Из этой огромной цифры раскрыто 49,8%. Не раскрытыми остались 513 726 преступлений⁵.

Есть в публикуемой МВД РФ статистике и определенная доля лукавства. В ней очень сложно увидеть, какие по зарегистрированным преступлениям приняты решения: сколько дел направлено в суд, рассмотрено в суде и с каким результатом!

Причины этого вполне объяснимы. Существенно ослаблен кадровый потенциал правоохранительных органов. Продолжает существовать «палочно-галочная» оценка их деятельности. Появились рейтинговые оценки вклада каждого сотрудника «в общее дело», которому стало «выгодно раскрывать» как можно большее количество преступлений. А если это будет дело, вызвавшее большой общественный резонанс, суперсложное в расследовании, но одно? По существующим критериям оценки такой сотрудник вряд ли может рассчитывать на повышение по службе. «Поставив на поток» борьбу с преступностью, в средствах массовой информации слышны победные репортажи руководителей правоохранительных органов о практически полной победе над профессиональной преступностью, коррупцией, наркоманией и т. п. Затем череда отставок и опять доклады об очередных победах над «оборотнями в погонах», «коррумпированными чиновниками» и т. д.

Правоохранительные органы России сегодня работают в жутком напряжении, так как неимоверно возрос документооборот, связанный с различными видами отчетности за тот или иной период работы. Заметьте, не объем практической работы, а именно количество подготовленных отчетных документов.

Более того, в настоящее время довольно часто возникают разногласия между следствием и оперативными подразделениями, что обусловлено неверным пониманием сущности взаимодействия между этими участниками уголовного процесса. Многие следователи считают своей задачей только оформление хода расследования, самоустраиваются от активных действий. Сразу оговоримся, что в данном случае речь идет именно о согласованности действий и выпол-

нении каждым участником процесса взаимодействия своих обязанностей, а не о выполнении следователями и оперативными сотрудниками несвойственных им функций.

Не касаясь политических, социальных и экономических причин подобного положения дел, отметим, что повышение уровня профессиональной подготовки следователей и оперативных сотрудников, на наш взгляд, возможно путем внедрения передовых достижений криминалистики в деятельность практических подразделений.

Обобщение практики свидетельствует, что применение именно «нетрадиционных» для практики на определенном этапе приемов, которые, однако, уже апробированы наукой, зачастую, приводит к раскрытию и качественному расследованию наиболее значимых, чудовищных преступлений, вызвавших большой общественный резонанс. Дальнейшее обобщение таких материалов, выявление закономерностей, составляющих предмет криминалистики, выработка научно-обоснованных рекомендаций по применению таких «нетрадиционных» приемов и их широкое внедрение в практику, на наш взгляд, позволит решить ряд прикладных задач:

- повысить раскрываемость тяжких и особо преступлений;
- улучшить качество расследования и уровень взаимодействия.

В будущем, может быть уже через несколько лет, когда выявленные сегодня «нетрадиционные» для практических подразделений приемы станут обычными, ученые-криминалисты вновь и вновь будут уточнять и расширять современные представления о предмете криминалистики, решая главную задачу этой науки, — таков логичный путь развития любого научного знания.

Проводя подобные исследования, особенно касающиеся тактических и методических основ предварительного расследования и судебного следствия, криминалисты неизбежно сталкиваются с необходимостью определения соотношения криминалистических и уголовно-процессуальных знаний. Принятый в 2002 г. УПК Российской Федерации выдержал бурю критики, накал страстей и эмоций, а в последующем претерпел и ряд существенных изменений. Однако для многих ученых процессуалистов и криминалистов стало очевидным и другое, не менее важное обстоятельство: многие тактические приемы и рекомендации криминалистики были восприняты законодателем и нашли свое отражение в УПК РФ. Это прежде всего новеллы, касающиеся следственных действий:

— введена ст. 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий»;

— появились новые для российского правоприменителя следственные действия: «Контроль и запись переговоров», ст. 186 УПК РФ; «Проверка показаний на месте» ст. 194 УПК РФ;

— уточнены отдельные положения, касающиеся производства осмотра места происшествия, обыска (ст.ст. 177, 182 УПК РФ) и ряд др.

По нашему мнению, это является позитивной тенденцией развития уголовно-процессуального законодательства России и свидетельствует о значимости теоретических и прикладных исследований, проводимых криминалистами.

Более того, полагаем, что при расследовании дел, вызвавших большой общественный резонанс, проявляется потребность не только в уголовно-процессуальных и криминалистических знаниях. Пожалуй, речь идет о комплексном, системном подходе, то есть применении знаний всех наук, связанных с раскрытием и расследованием преступлений.

В заключение хотелось бы отметить, что тенденцией развития научной специальности 12.00.09 является взаимопроникновение наук, что, в свою очередь, как уже отмечалось, требует постоянного уточнения и углубления наших знаний о их предмете.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 7.
- ² Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. Научно-практич. и учеб. пособ. М.: БЕК, 1996. С. 192.
- ³ Указ. соч. С. 86.
- ⁴ Холодный Ю. И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты). Монография. М.: «Мир безопасности», 2000. Холодный Ю. И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // Вестник криминалистики / Отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 1 (13). М.: Спарк, 2005. С. 39-48.
- ⁵ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2005 года. М.: ГИЦ МВД РФ, 2006. С. 4.